

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

УДК 111.1 + 81'37

Д. Н. Ляшенко

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРНАЯ ОНТОЛОГИЯ

В статье используется системно-структурный подход к анализу семантических проблем. На структурных основаниях различаются понятия интенционала и экстенционала. Переосмыслена существующая традиция понимания референции. Онтология сущностей Аристотеля интерпретируется как семантическая концепция, которая соответствует принципам структурной онтологии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: интенционал, экстенционал, структурная онтология.

Когда Аристотель вводил критерии, по которым отличаются первая сущность от других типов бытия, он вряд ли имел в виду, что к третьему сущему будут прибегать для описания объектов типа Санта-Клауса или Шерлока Холмса. Однако именно это происходит сегодня в семантических исследованиях. В современной, в основном «аналитической», мысли, несмотря на бурное развитие интенциональных логик, до сих пор встречается редукционизм, связанный с принципом экстенциональности (см., например, [3, 6, 18]). Положения, основанные на этом принципе, связаны с натурализацией семантики.

Данная статья посвящена выяснению того, какие объекты могут быть квалифицированы как аристотелевская первая сущность и в чем их отличие от объектов третьего сущего. Цель статьи заключается в выяснении структурно-онтологического статуса реальных и идеальных объектов как семиотических явлений.

Поскольку референт есть семиотическое понятие, сначала предложим рабочую модель знака. Условимся, что знак состоит из десигнатора (означающее), интенционала (мысль об объекте, смысл) и экстенционала (референт, объект мысли). Примем, что отношение между компонентами знака — это отношение моделирования [1, 144–192, 357–365]. Знак в целом — это модель какого-то

аспекта действительности, а всякая модель всегда система [14, 188]. Поэтому удобно представлять знак в виде системы. Существует большое количество способов представить знак в качестве системы, это зависит от выбора системного подхода и/или соответствующей теории систем. Чтобы не попасть в область действия принципа экстенциональности, в статье используется общая параметрическая теория систем (ОПТС) и ее интенциональный логический аппарат — язык тернарного описания (ЯТО) [13].

Одно из двойственных представлений системы схематично выглядит так: $([R(*m)])P$. Здесь символ P (**P**roperty) означает *атрибутивный концепт* системы — системообразующее свойство, тот смысл, в рамках которого некоторая вещь представляется в виде системы. Упомянутая вещь m (**m**aterial) — это *субстрат* системы, материал, «ткань» из которой «ткется» система в соответствии с какими-то отношениями R (**R**elation), которые являются *реляционной структурой* системы. Концепт, структура и субстрат системы — это системные дескрипторы, а представленная схема — так называемое дескрипторное представление системы с атрибутивным концептом.

В схеме использован синтаксис языка тернарного описания, который представляет собой аксиоматическое исчисление, используемое, помимо всего прочего, для целей ОПТС. Символ, стоящий справа от круглых скобок, обозначает свойство, в данном случае это концепт. Символ, стоящий слева от круглых скобок, означает отношение, здесь это структура системы. Символ, стоящий внутри круглых скобок, означает вещь, это субстрат системы. Звездочка «*» означает направление предикации, в данном случае от отношения к вещи. Если использовать не только синтаксис, но и семантику ЯТО, а именно понятия определенной вещи t , неопределенной вещи a и произвольной вещи A , то получим формулу дефиниенса определения системы с атрибутивным концептом — $([a(*A)])t$. На натуральном языке определение системы с атрибутивным концептом звучит следующим образом: произвольная вещь A является системой, когда на ней реализуются некоторые отношения a , обладающие заранее фиксированным (определенным) свойством t . В ОПТС формулируется принцип *дополнительности двойственных системных представлений*, в соответствии с которым определение системы с атрибутивным концептом дополняется дефиницией системы с реляционным концептом, и наоборот. Дефиниенс определения системы с реляционным концептом на ЯТО выглядит так: $t([(A*)a])$. Прочитать его можно таким образом: любая вещь представима в качестве системы, когда некоторые свойства этой вещи находятся в определенных отношениях.

Используем синтаксис ЯТО для экспликации знака как системы с атрибутивным концептом: $([a(*\text{Десигнатор, Экстенционал})])\text{Интенционал}$. Здесь реляционная структура a обозначает некоторые отношения, в которых находятся десигнатор и экстенционал, определяемые атрибутивным концептом (интенционалом), который можно выразить так: «быть моделью...», или «моделировать...» (направление моделирования меняется в зависимости от адресанта и адресата). Представление знака как системы с атрибутивным концептом дополняется *реляционным* представлением знака. Более подробно об указанной двойствен-

ной репрезентации знака в ОПТС см. [7] (следует также учесть, что в рамках ОПТС возможны и другие репрезентации знака, см., например, [11]).

Таким образом, интенционал в системном представлении знака, будучи концептом системы, функционирует как свойство или свойства¹. Используя элементы ЯТО, такое атрибутивное представление интенционала (*Ints*) можно выразить следующим образом: $(\iota A)Ints$, если $j\iota Aj[(a^*)A]$. На естественном языке это означает, что объект ιA является интенционалом (*Ints* от *intension*; это метаязыковой термин, а не термин ЯТО), когда этот объект тождествен объекту A , который является свойством какого-то объекта a . Здесь мы использовали два разных символа отождествления: йота-оператор « ι » и джей-оператор « j ». Йота-оператор возле символа произвольного объекта A фиксирует этот объект как тот же самый в рамках данной формулы. Разные объекты, тождественные в рамках одной формулы, различаются количеством йота-операторов. Джей-оператор отождествляет те части формулы, перед которыми он поставлен, друг с другом. С помощью квадратных скобок на ЯТО выражается эквивалент *понятия* («объект с такими-то свойствами, отношениями»). Отсутствие скобок или круглые скобки выражают на ЯТО эквивалент *суждения* («объект обладает такими-то свойствами, отношениями»).

В свою очередь, экстенционал, являясь частью субстрата системы, функционирует в данной системе как вещь (или вещи — ЯТО игнорирует количественную характеристику). Тот факт, что экстенционал — вещь, можно выразить следующим образом: $(\iota A)Ext$, если $j\iota Aj[(A)a]$. Это значит, что объект ιA является экстенционалом, когда он тождествен объекту A , который является вещью с какими-то свойствами.

Важно, что интенционал, экстенционал и десигнатор (*Ints*, *Ext*, *Des*) — минимальные компоненты знака как индивида. Без какого-либо из этих компонентов знак не будет существовать. Причем интенционал *Ints* не может играть роль экстенционала *Ext* в одном и том же контексте, в одном и том же смысле. То есть мы не можем записать формулу $(\iota A)\{Ints \cdot Ext\}$ или $\iota A\{j\iota Aj[(a^*)\iota A]\} \cdot \{j\iota Aj[(\iota A)a]\}$ в качестве истинной. Фигурные скобки {...} являются вспомогательным символом, с их помощью разграничиваются подформулы в формуле. Символ « \cdot » здесь обозначает *связный список*: объекты, которые не просто перечисляются, а находятся в каком-либо отношении друг к другу, образуют связный список.

Когда какое-то свойство определяет отношения некоторых объектов, это свойство функционирует лишь как мысль об объекте (интенционал), но не как объект мысли (экстенционал). Вещь-экстенционал одного знака может стать вещью-интенционалом в другом знаке и наоборот, но это означает смену контекста и появление другого знака, отличного от первоначального. В изменившемся контексте та вещь, которая функционировала как интенционал в первом знаке, а затем стала объектом мысли в другом знаке, теперь исполняет роль экстенционала, но никак не одновременно функции и интенционала, и

¹ Однако атрибутивность не является достаточным условием для характеристики интенционала, так как есть атрибутивные экстенционалы (см. ниже).

экстенционала в одном и том же знаке. То есть термины «интенционал» и «экстенционал» функциональны по отношению к контексту и не являются натуральными понятиями. Более подробно о различении *структурности* и *натуральности* онтологии см. [19].

Именно «натурализация» семантических отношений является одной из причин того, что в современной семантике существует традиция смешивать интенционал и экстенционал знака (конечно же, смешение происходит не на уровне десигнаторов). К примеру, Барбара Холл Парти считает, что интенционалы существуют объективно, независимо от человеческой психики и одновременно выступают функциями от возможного мира, фиксирующими экстенционал знака [18, 316]. Ту же концепцию выражал в свое время Готлоб Фреге. Для него *мысль* — это нечто объективное, существующее в мире мыслей — в Третьем рейхе (вне человеческих «голов») [16]. И при этом, согласно Фреге, мысль определяет значение (экстенционал) знака, т. е. функционирует как интенционал [17]. Если взять современные работы по семантике [3], то и там ситуация аналогична описанной. Любые идеальные объекты называются интенционалами и т. д.

«Причина смешения в том, что, по сути, все, что необнаружимо в физическом пространстве, объявляется “идеальным” и называется интенционалом (десигнатом), то есть в этот класс идеальных вещей попадают объекты и третьего, и второго миров (по концепции трех миров Карла Поппера). Это достаточно распространенная позиция (в этой позиции основанием дефиниций и классификаций является материал, субстрат объектов)» [8, 90].

Если не считать подобную интерпретацию ошибочной, то не удастся непротиворечиво реализовать принцип *онтологической нейтральности*, который претендует поставить Санта-Клауса и Сократа на одни и те же теоретико-познавательные (соответственно на единые семантико-онтологические) основания [6, 56–73]. То есть в конце концов все разговоры об относительности референтов к знаковой системе, отсутствию «онтологических обязательств» будут заканчиваться утверждениями, основанием которых является вера в предзаданный мир, который отражается (фотографируется и т. д.) в нашем сознании.

Аналогом «аналитического» принципа онтологической нейтральности является принцип индифферентности (толерантности) к метафизическому выбору в ОПТС.

«Независимо от того, какова степень реальности вещи, определяя ее как вещь, как то, чему приписываются свойства или в чем устанавливаются отношения, вопрос об ее объективной либо субъективной реальности можно до некоторых пор — до той поры, когда придет пора предпринимать практические действия, вообще оставлять без ответа. Природа вещей, как уже отмечено, не предмет структурных исследований» [20, 110].

Семантика может опираться на принцип онтологической индифферентности. Фиксировать экстенционал знака не значит иметь физически локализованный объект. Знак существует, когда есть и интенционал, и экстенционал, и десигнатор. Вопреки существующей традиции не следует разводить предметное значение знака (экстенционал) и референт (денотат и т. п.) как внеязыко-

вой объект, существующий «на самом деле». Экстенционал является синонимом референта, а интенционал — способ референции. В таком случае термин «экстенционал» понимается в самом широком смысле. Когда мы фиксируем какую-либо знаковую систему, то она обязательно имеет свое референтное поле, и природа объектов этого «поля» не имеет значения для собственно семантики. Мы можем построить языковую игру по типу невозможных возможных миров, тогда референты будут существовать в конвенциональных интересубъективных универсумах, доступных лишь тем, кто «строил» эти универсумы. В таком случае знаковая система порождает свою «онтологию», конституирующуюся по типу структурной онтологии (натурально-метафизически нейтральной), референты которой определяются функционально, без ссылок на природу существей.

Например, мы можем задать «язык», в котором есть термины только для отношений и свойств, а не для вещей, что породит соответствующую картину мира — «без вещей». То есть сами понятия вещи, свойства или отношения возникают в той или иной знаковой системе (в первую очередь в естественном языке), и мы членим наш опыт сообразно *структуре* данной знаковой системы. Если говорить о физически локализованных объектах, то это лишь один из множества возможных типов языковых игр. «Физические объекты» биологии могут оказаться имеющими мало общего с «физическими объектами» физики, а математика и логика работают с объектами совершенно иного рода, это если касаться природы референтных универсумов (разговор о которых тоже может предполагать свое референтное поле).

Чтобы локализовать какой-либо объект, будь то мысль или физическое явление, необходимо, чтобы ему предшествовал тот или иной тип знаковой системы со своими знаками, правилами и т. д. Эта ситуация требует разграничения «внешних и внутренних вопросов» знаковой системы [5]. То есть вопросов прагматики принятия какого-либо языкового каркаса со своим референтным универсумом и вопросов, которые конденсировались в популярную формулировку «существовать — это быть элементом системы» («быть значением связанной переменной»). Причем разделение на внешние и внутренние вопросы должно быть не натуральным, а структурным. Валидность знака (соответственно существование или не-существование референта) должна подтверждаться внутренними вопросами знаковой системы. И даже если валидность опирается на знаковую систему, внешнюю по отношению к данной системе, то все равно безотносительно к трансцендентальному миру «истинного положения вещей». В логике предикатов это означает квантификацию переменных (связывание их кванторами существования или всеобщности), что позволяет производить проверку на истинность или ложность внутри данной знаковой системы.

С этим связаны принцип онтологической относительности Уилларда Куайна и критика последним концепции языковых каркасов Рудольфа Карнапа за непоследовательное проведение принципа онтологической нейтральности. Карнап, несмотря на его, по сути, релятивистскую концепцию языковых каркасов, не избавился от влияния логического атомизма Бертрانا Рассела, для которого

пределом действительного являются данные органов чувств. Хотя и сам Куайн *трансцендентальным* основанием знаковых систем полагал физические реалии (например, субатомные состояния) [23, 1–23], что с трудом согласуется с положением онтологической относительности. Предполагается, что если вы не верите в объективно предзаданный мир, который отражается в сознании, то вы лишены возможности действовать эффективно и не можете предсказывать события. Проблема возможности эффективной познавательной деятельности без опоры на понятие объективного положения вещей решается с помощью анализа *структуры* этой деятельности. Вот что говорит аргентинский биолог и философ Умберто Матурана о такой важной составляющей эффективной научной деятельности, как проблема детерминизма и предсказуемости: «Предсказание — это исчисление внутри системы некоторой области исследования (модель), которое считается изоморфным системе другой области, где будет иметь место наблюдение за предсказываемым событием... И наконец, предсказуемость не является доказательством объективности (натуральности. — Д. Л.), она лишь говорит об изоморфизме между относительными структурами двух областей познания (семантик знаковых систем. — Д. Л.)» [22, 46].

Таким образом, смешение функций интенционалов и экстенционалов в первую очередь связано с «натуральностью» семантических построений. Но есть еще несколько второстепенных причин. В частности, имеет место некритическая репродукция заблуждения из поколения в поколение благодаря заучиванию исходных научных терминов и отношений между ними. Эту причину можно пока оставить без анализа. В конце концов, затруднительно стать членом научного сообщества, если все с ходу подвергать сомнению. Частично наука держится и развивается на парадигмальных традициях. Но в любом случае это положение дел является не корнем проблемы, а лишь следствием.

Еще одной причиной, способствующей сохранению и воспроизводству традиции терминологической (а как следствие, сущностной) путаницы является отождествление интенциональности и интенциональности. Как справедливо замечает Джон Сёрль, интенциональность — это качество нашего сознания, тогда как интенциональность — свойства десигнаторов в неэкстенциональных контекстах [24, 18–19].

Известно, что термин «интенциональность» был взят Францем Brentano у схоластов и по-своему им интерпретирован. Согласно Brentano [2] мир состоит из физических и психических явлений, однако физические явления непосредственно нам не доступны, они подают нам лишь знаки вещей. С *очевидностью* нам доступны лишь психические феномены. Эти, последние, на дологическом уровне *представлений* обладают свойством интенциональности (направленности на объект). О том, существует ли *интенциональный объект* реально, ничего сказать нельзя (по крайней мере на уровне *представлений*). Это возможно лишь на аналитическом уровне *суждений* (собственно на уровне логической инстанции). Позже Гуссерль примет эти положения в качестве исходной точки феноменологии. Переходя от естественной установки к феноменологической, мы обнаруживаем, что ноэзис (процесс познания) конститутивен по отношению к ноэме (интенциональному объекту). То есть сознание

направлено на интенциональный объект, а какова природа этого объекта, неизвестно. Это может быть физический объект, объект воображения, сна и т. д. Но в любом случае это именно объект мысли, а не мысль об объекте.

Переводя эту мысль на язык семиотики, получаем, что интенциональный объект тождествен экстенсионалу, а не интенсионалу. Видимо, онтологическая индифферентность интенциональных объектов (которые часто оказываются круглыми квадратами, Пегасами и тому подобной «нечистью») иногда приводит к неправомерному отождествлению их с интенционалами. Иногда, впрочем, это делается вполне осознанно [10, 23], что также неправомерно, если принять излагаемую в данной статье точку зрения на функции этих понятий. Но, конечно же, корни проблемы лишь на поверхности связаны со схожестью десигнаторов *intention* и *intension*, они уходят еще глубже, в традицию семантико-онтологических штудий.

Любопытны в этой связи представления схоластов о так называемых *первичной* и *вторичной интенциях*. Первичная интенция означает физические объекты, вторичная — либо ментальный термин, обозначающий понятия разного уровня общности, либо реально существующие идеи (об *интенциях* см., например, [9, 3–67]). Ясно, что природа вторичной интенции зависит от метафизических предпосылок. Но, согласно системно-структурному подходу, это не имеет решающего значения, поскольку независимо от принимаемой метафизики вторичные интенции исполняют свои функции — функции интенционалов десигнаторов. Первичная интенция — экстенсионал (правда, экстенсионал лишь «физической» языковой игры). С другой стороны, некоторые объекты вторичной интенции в представлении схоластов, с нашей точки зрения, являются экстенсионалами. Очевидно, что и такие изошренные логики, как Оккам, например, не доводили анализ различения мысли об объекте от объекта мысли до логического завершения.

Уже гораздо ближе к нашему времени в замечательной статье [12] Владимир Смирнов проводит очень важное разграничение идеальных объектов (по сути, экстенционалов) и понятий (интенционалов). Разницу между ними он иллюстрирует следующим образом. Складывание двух чисел, 1 и 4, как идеальных объектов приводит к сумме этих чисел, равной числу 5. Однако работа с этими числами как с понятиями (интенционалами) приводит лишь к логическому объединению указанных чисел, что формирует новое понятие, но никак не идеальный объект, — число 5 [Там же, 347]. Под влиянием семантических концепций, смешивающих идеальные объекты с интенционалами на основании «идеальности», указанные различия в обращении с идеальными объектами и интенционалами приводят либо к противоречивым утверждениям (причем независимо от номиналистских или реалистских метафизических позиций), либо, возможно, к каким-то сложным системам «эпициклов», вводимых для преодоления или затушевывания противоречий. В нашей же интерпретации интенционала как «мысли об объекте» и экстенционала как «объекта мысли» противоречий (по крайней мере, по вопросам референции) возникнуть не может.

Таким образом, даже обращение к интерпретации интенционала и экстенционала изошренными схоластами не приносит требуемого результата. Если

в семантических исследованиях опираться на «плечи схоластов», то результат будет тот же, что и с опорой на большую часть современной аналитической философии, — невозможность однозначной реализации принципа онтологической нейтральности.

В этом ключе рассмотрим учение Аристотеля, в частности, его концепцию объектов референции, которая запечатлена в анализе категории сущности. Будем использовать интерпретацию учения Аристотеля Авениром Уемовым [15].

Аристотель говорит о первых и вторых сущностях. Первые сущности — это единичные объекты, индивиды, вторые — роды, виды. Первые сущности определены, им ничего не противоположно. Сократу ничего не противоположно (у него отсутствует степень «бытия первой сущностью»). Вторые сущности могут быть линейными по своим качествам. Определяющими признаками сущностей являются «находиться в подлежащем» или нет и «сказываться о подлежащем» или нет. Первые сущности не находятся в подлежащем и не сказываются ни о чем (правда, Уемов добавляет, что первые сущности сказываются о себе: «Сократ есть Сократ»). Вторые сущности не находятся в подлежащем, но сказываются о чем-либо: «Сократ есть человек». Помимо первых и вторых сущностей Аристотель говорит о том, что можно дифференцировать третье и четвертое сущее. Это то, что находится в подлежащем: белизна, красота, числа, скорость, масса и т. д. Причем третье сущее не сказывается ни о чем (кроме самого себя) — например, «белизна Сократа», $\sqrt{-1}$, а четвертое сущее сказывается о чем-то: «красота», «число», «(A)A» и т. д. Для удобства Уемов строит следующую таблицу:

Сущности	Находиться в подлежащем	Сказываться о подлежащем
Первая сущность	Не находится	Не сказывается ни о чем, кроме самой себя
Вторая сущность	Не находится	Сказывается
Третья сущность (сущее)	Находится	Не сказывается ни о чем, кроме самой себя
Четвертая сущность (сущее)	Находится	Сказывается

Также Уемов предлагает формальные модели сущностей. Для этого определяются понятия нахождения в подлежащем (или нет) и сказывания о подлежащем (или нет). Для первого вводятся термины «интернат» и «интернал». Интернат характеризует объект как существующий отдельно, не в подлежащем (как индивид, хотя бы как часть чего-то): это произвольная вещь, обладающая какими-то свойствами $[(A)a]$. Интернал — это свойство объекта, существующее в подлежащем.

$$(\iota A)\text{Интернал}[(\iota a)a] =_{df} (\iota A)\{j[(\iota a)a]j\{[(a^*)\iota A] \bullet [(a^*)a]\}\}$$

«Формула $[(\iota a)a]$ показывает, что речь идет об интернале именно вещи. В дефиниенсе говорится о том, что эта вещь тождественна связанному списку свойства ιA и еще какого-то свойства a » [Там же, 64].

$$(\iota A)\text{Интернат } [(\iota a)a] =_{df} (\iota A)\{j[(\iota a)a]j\{[(\iota A)a] \bullet [(a)a]\}\}$$

«В отличие от формулы... (интернала. — Д. Л.) интернат (ιA) представлен не как свойство, а как вещь, наделенная каким-то свойством: $[(\iota A)a]$. Вместе с какой-то другой вещью, выраженной как $[(a)a]$, она даст нам нечто, с чем отождествляется анализируемый объект $[(\iota a)a]$ » [Там же].

Далее формализуется сказываемость о подлежащем и о самом себе:

$$(\iota A)\text{Сказываться о подлежащем } \iota a =_{df} (\iota a^*)\iota A$$

$$(\iota A)\text{Сказывается только о самом себе} =_{df} (\iota A)\{(\iota a^*)\iota A \rightarrow j\iota A j \iota a\}$$

Символ «>» — это символ нейтральной импликации. В ЯТО действуют несколько видов импликаций (атрибутивная, реляционная, мереологическая, нейтральная). Нейтральная импликация подразумевает, что она обладает свойствами, общими для атрибутивной, мереологической и реляционной импликаций, и читается как «Если есть... то есть и...».

Дальше можно получить четыре формальные модели сущностей Аристотеля. Нам достаточны модели первой и третьей сущностей [15, 67–68].

$$\begin{aligned} (\iota A)\text{Первая сущность} &=_{df} \\ &=_{df} (\iota A)\{j[(a)a]j\{[(a^*)\iota A] \bullet [(a^*)a]\}N\} \bullet \{((\iota a^*)\iota A \rightarrow j\iota A j \iota a)S\} \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} (\iota A)\text{Третий тип сущего} &=_{df} \\ &=_{df} (\iota A)\{j[(a)a]j\{[(a^*)\iota A] \bullet [(a^*)a]\}S\} \bullet \{((\iota a^*)\iota A \rightarrow j\iota A j \iota a)S\} \end{aligned}$$

Символы «S» и «N» означают утверждение и отрицание соответственно. В дефиниенсе формулы первой сущности мы отрицаем нахождение в подлежащем (отрицаем интернальность первой сущности) и утверждаем, что первая сущность сказывается о самой себе. В дефиниенсе формулы третьего сущего мы утверждаем его интернальность и утверждаем сказывание только о себе.

Очевидно, что первая сущность, так же как и третья, — это экстенционалы (объекты мысли). То есть они *сказываются только о самих себе*, это «точные объекты», индивиды. Но при этом третье сущее интернально (находится в подлежащем). Вторая и четвертая сущности в основном соответствуют нашим интенционалам. Так образуются две пары интенционалов и экстенционалов, с помощью которых можно анализировать объекты референции без ссылки на их природу. Здесь выражен критический для понимания момент, ведь в начале статьи интенционал эксплицировался как свойство объекта, а теперь данное качество приписано экстенционалу как третьему сущему. И хотя атрибутивный концепт системы — это не какое-нибудь «рядовое свойство», тем не менее при дифференциации интернат-экстенционалов (первая сущность) от интернал-экстенционалов (третье сущее) и соответствующих интенционалов семантико-онтологический анализ становится гораздо более изощренным, чем при использовании одной, необходимой, но не достаточной характеристики интенционала.

Третье сущее играет роль объектов, существующих лишь в качестве субстантивации определенных абстрактных качеств: белизна Сократа, красота *этой*

девушки и т. д. Очевидно, что в категорию третьего сущего не может попасть Пегас или Шерлок Холмс. Они совершенно определенно относятся к первой сущности (понятой в терминах структурной онтологии). Бытие Шерлока Холмса не является интернальным. Не более чем бытие Сократа. Если кто-нибудь скажет, что цикл рассказов и повестей о Шерлоке Холмсе — это и есть его подлежащее, то нам придется заключить, что, например, диалоги Платона — это подлежащее для Сократа. Если Шерлок Холмс — третье сущее, т. е., кратко говоря, определенное свойство какого-то объекта $[(a^*)t]$, то верным будет такое предложение $t \rightarrow [(a^*)t]$: «Шерлок Холмс — это свойство рассказов Конан Дойля». Что нам тогда запрещает говорить таким образом: «Сократ — это свойство диалогов Платона»? Очевидно, что так можно говорить лишь в условном смысле, в виде исключения из грамматических правил. А далее мы можем заключить, что исторические хроники (и т. д.) — это подлежащее для Наполеона или Ленина, физико-химические условия на третьей планете от звезды в Солнечной системе — это подлежащее для существования нас с вами. Так можно зайти далеко. Когда некий человек не будет непосредственно воздействовать на ваши органы чувств (выйдя за дверь), бытие его будет бытием третьего сущего в подлежащем вашей памяти. Если довести до логического конца нахождение в подлежащем по типу натуральной онтологии, то единственным не существующим в подлежащем будет Абсолют...

На основании вышесказанного представим еще одну схему.

Первая сущность — это определенная (t) вещь-субъект, которая *мыслится* (воображается) как вещь, имеющая пространственные границы: Сократ, Санта-Клаус, Ленин, Шерлок Холмс, t -дерево, t -русалка etc.

Вторая сущность — это неопределенная (a) вещь-предикат, с помощью которой мыслят о первых сущностях.

Третье сущее — это определенная (t) вещь-субъект, которая принципиально не-телесна (невозможна как телесная): t -любовь, $\sqrt{-1}$, « t -умение читать», « t -красота», t -круглый квадрат etc.

Четвертое сущее — это неопределенная (a) вещь-предикат, которая принципиально не-телесна.

«Пространственность», «телесность» здесь понимаются не как натуральные понятия, а как *структурная* часть, в остальном вполне натуральной, деятельности человеческой когнитивной системы [21, 3–129], работающей по принципу *неизвестное через известное*, или $!a \rightarrow !aj[(a)t]$.

Очевидно, что Шерлок Холмс не находится ни в каком подлежащем. Шерлок Холмс не интернал-экстенционал, а интернат-экстенционал рассказов о нем. Это индивид, обладающий свойствами, а не определенные свойства какой-либо вещи, ему ничего не противоположно и т. д. Для структурной онтологии здесь нет ничего странного, так как мы должны иметь возможность анализировать однотипные объекты независимо от их натурального существования. Ведь если завтра окажется, что Наполеон всего лишь литературный персонаж (что не так далеко от истины уже сегодня), то данное обстоятельство не изменит того факта, что Наполеон — определенный объект, наделенный свойствами $[(t)a]$, пусть и вымышленными, а не определенные свойства каких-то объектов $[(a^*)t]$.

Философам, которые исследуют проблему типов бытия, следует задать себе вопрос, готовы ли они отдать права на учение о бытии во всецелую власть историков.

Теперь можно сделать общий вывод, что проблема смешения интенционалов и экстенционалов — это результат, во-первых, отсутствия дифференциации интернал-экстенционалов и интернат-экстенционалов; во-вторых — отождествления интернал-экстенционалов с собственно интенционалами. Такое положение вещей связано с одной, уже не раз упомянутой причиной — фундированием семантики натуральной онтологией, а точнее трансцендентально-натуральной онтологией, т. е. проблемой природы объекта «на самом деле».

Аристотель не придавал своей классификации типов бытия натурального характера. Это позволяет использовать его модель (в интерпретации Умова) для семантических исследований, использующих принципы структурной онтологии. Этого невозможно достичь, используя мы семиотику схоластов или современную аналитическую философию. Однако следует помнить, что предлагаемая модель не позволяет сделать однозначный вывод о существовании объектов «на самом деле».

Семиотика (семантика) не имеет критериев для натурально-онтологического различения, так же дело обстоит и с логикой. «...Логиков не должен беспокоить вопрос о том, существуют ли на нашей или другой планете летающие очень низко крокодилы. Они озабочены другим, а именно: логические конструкции с квантором существования не должны быть противоречивыми» [4, 191].

Это означает, что, приняв область существования экстенционалов, которые являются сказочными персонажами, мы можем получать истинные высказывания по отношению к данной области («Пегас быстро летает»). Главное, чтобы не было противоречия исходным принятым положениям («Пегас — это не Пегас, но при этом он, конечно же, Пегас»).

Из сказанного можно сделать следующие выводы. Существующая традиция отождествления интенционалов и экстенционалов на «натуральных» основаниях мешает реализации принципа онтологической индифферентности (нейтральности). Анализ учения Аристотеля о сущности, в рамках ОПТС и ЯТО, позволяет понять, что мысли об объектах (интенционалы) и объекты мысли (экстенционалы) относятся к разным типам бытия, а также, что существуют разные типы экстенционалов и интенционалов. Структурные науки (семиотика, логика, математика и т. д.) не имеют критериев для отличия вымысла от реальности.

1. Барулин А. Н. Основания семиотики: знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 2: Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра). М., 2002.

2. Брентано Ф. Психология с эмпирической точки зрения // Избр. работы / пер. с нем. В. Анашвили. М., 1996.

3. Возможные миры: семантика, онтология, метафизика / отв. ред. Е. Г. Драгалина-Черная. М., 2011.

4. *Жоль К. К.* Логика в лицах и символах. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.
5. *Карнап Р.* Эмпиризм, семантика и онтология // Значение и необходимость: исследование по семантике и модальной логике : пер. с англ. 2-е изд. М., 2007.
6. *Лебедев М. В., Черняк А. З.* Онтологические проблемы референции. М., 2001.
7. *Ляшенко Д. Н.* Определение понятия «знак» как проблема понимания // Перспективы. 2011. № 1.
8. *Ляшенко Д. Н.* Семиотика, гносеология и системный подход: проблема знака // Наукове пізнання: методологія та технологія. 2009. № 2.
9. *Оккам У.* Избранное : пер. с лат. 2-е изд. М., 2010.
10. *Петров В. В.* Проблема указания в языке науки. Новосибирск, 1977.
11. *Райхерт К. В.* Фердинанд де Соссюр и параметрическая общая теория систем: Знак и система // Перспективы. 2009. № 1.
12. *Смирнов В. А.* О достоинствах и ошибках одной логико-философской концепции (критические заметки по поводу теории языковых каркасов Р. Карнапа) // Логико-философские труды В. А. Смирнова. М., 2010.
13. *Уемов А. И.* О логико-математическом аппарате общей теории систем // Актуальные проблемы логики и методологии науки. Киев, 1980.
14. *Уемов А. И., Плесский Б. В.* Реальность, относительность и атрибутивность системных моделей действительности // Философско-методологические основания системных исследований. М., 1983.
15. *Уемов А. И., Терентьева Л. Н.* Лекции и задачи по метафизике : в 2 ч. Одесса, 2009.
16. *Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // Логика и логическая семантика : сб. тр. / пер. с нем. М., 2000.
17. *Фреге Г.* О смысле и значении // Там же.
18. *Холл Парти Б.* Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность // Семиотика : ант. / ред., сост. Ю. С. Степанов. М., 2001.
19. *Цофнас А. Ю.* Структурная и натуральная онтология // Вестн. ОНУ. Вып. 13. Одесса, 2007.
20. *Цофнас А. Ю.* Теория систем и теория познания. Одесса, 1999.
21. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. N. Y., 1999.
22. *Maturana H.* Cognition // Wahrnehmung und Kommunikation. Frankfurt, 1978.
23. *Quine W.* Theories and Things. Cambridge, Harvard, 1982
24. *Searle J.* The construction of social reality. L., 1996.

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.